

Сливка Р. Борьба за ресурсы как фактор территориально-политических конфликтов: эволюция представлений / Р. Сливка // Магілёўскі Мерыдыян: нататкі магілёўскага аддзела Беларускага геаграфічнага таварыства. – 2015. – №1. – С. 71–76.

УДК 911.3

Роман Сливка

Борьба за ресурсы как фактор территориально-политических конфликтов: эволюция представлений

Введение. Развитие общественной географии все в большей степени предусматривает уход от уже достаточно хорошо изученных явлений и процессов в границах антропосферы. В XXI веке имеет место социологизация, экологизация, информатизация исследовательских подходов науки. Географы мира занимают активную позицию по изучению и поиску путей выхода из кризисных явлений, с которыми сталкивается человечество. В этой связи вполне объясним интерес к политико-географическому изучению конфликтов. Борьба государственных и негосударственных субъектов международных отношений за контроль над территориями и ресурсами продолжается. Эволюционирует и восприятие понятия «ресурс» как фактора территориально-политических конфликтов (ТПК).

Цель статьи – отобразить эволюцию понимания ресурсов как фактора ТПК. Для выполнения поставленной цели следует выполнить следующие **задачи**: 1. На основе анализа политико-географической литературы проследить формирование ресурсного подхода в политической географии; 2. Выделить новые представления о ресурсе как факторе территориально-политических конфликтов.

Предметом исследования выступает изменение понимания ресурсного фактора в политической географии. **Объектом** исследования является георесурсный подход в политико-географическом изучении ТПК. В статье использованы такие **методы** исследования как анализ литературы по теории и методологии географии, методы синтеза, абстрагирования и идеализации.

Основное содержание.

Одним из наиболее распространённых определений социального конфликта является то, которое дано американским социологом Л. Козером. Конфликтом он считал борьбу за ценности и претензии на особый социальный статус, власть, дефицитные материальные блага; борьбу, в которой целями конфликтующих сторон является нейтрализация, нанесение ущерба или уничтожение противника [1, с. 20]. С точки зрения географии, территорию следует рассматривать как одну из самых важных ценностей в жизни человека. Она является чётко обозначенным пространством жизнедеятельности

индивида, социальной группы, этноса, государства. Соответственно, конфликт за обладание территорией может проявляться на уровне личного пространства, пространства социальной группы, этнической группы, государства. Но не каждый конфликт есть политическим. В политической географии предметом анализа выступают только такие противоречия, следствием которых является изменение политического статуса территории. Власть над ней даёт возможность использовать ресурсы согласно потребности и по усмотрению субъекта властных отношений. Среди объективных причин территориально-политических конфликтов выделяем: 1) естественное столкновение материальных и духовных интересов в процессе жизнедеятельности общества; 2) недостаток духовных и материальных ресурсов для жизнедеятельности тех или иных социальных групп населения и государств [1, с.28]. Территория является «хранилищем» ресурсов, которые нужны для развития общества. На основе этого можно предложить географическую интерпретацию определения Л. Козера и предположить, что: *территориально-политический конфликт – это борьба двух и больше субъектов международных отношений за власть над территорией и суверенное право определять статус и использовать её ресурсы.*

Понимание важности ресурсов как фактора борьбы за гегемонию появилось довольно давно. Так, например, в Великобритании первое агентство военной разведки (База Военных Знаний), было учреждено еще во времена Наполеоновских войн с целью сбора географической информации, в том числе, карт об вооруженных силах и территориях иностранных государств [2]. Потребность в знаниях об потенциальных ресурсах территорий мира в целом отвечала доминирующему экономическому подходу XIX века – позднему меркантилизму. Сущность которого заключалась в максимальном вывозе готовой продукции зарубеж и использовании ресурсов колоний для роста промышленности метрополии. Географы откликнулись на потребность имперских государств в ресурсах. Среди основных направлений в географической литературе XIX – начала XX в. Выделяется «колониальное» направление, в рамках которого рассматривались вопросы географического разделения труда в рамках империй. Концептуальной основой подобных географических исследований служили идеи социального дарвинизма и географического детерминизма, истоки которых восходят к работам К. Ратцеля. Борьба за ресурсы представлялась, в то время, как одна из базовых задач государства с целью не столько выживания, сколько доминирования и гегемонии. Борьба за ресурсы К. Ратцелем была возведена в ранг одного из «законов территориального расширения государств». Вульгарные детерминисты Ю.Р. Челлен, Э. Ч. Семпл и К. Гаусгофер популяризировали псевдонаучные выводы о биологической природе государств и оправданности территориальной экспансии во имя выживания нации-государства. На увеличении дефицитности ресурсов вследствие ускоренного роста населения Земли акцентировал внимание Т. Мальтус. В условиях демографического бума

в европейских метрополиях XIX в. такие взгляды подталкивали правящие элиты к поиску новых источников ресурсов для гарантированного выживания имперских наций (возможно и ценной присвоения или завоевания ресурсов территорий «неисторических» и «нецивилизованных» народов). При чем демографическая политика некоторых режимов, например, нацистского в Германии, была ориентирована на жесткий контроль со стороны государства и служила экспансионистским целям последнего.

Политика экспансии и империализма в поисках новых рынков сбыта промышленных товаров критиковалась марксистами, которые вполне справедливо указывали на фундаментальную их причину – присущий капитализму антагонизм производства и потребления. Ибо производство материальных благ и обмен с природой подчиняются целям максимизации прибавочной стоимости, границы изъятия природных благ неизбежно переходят здравый смысл и разумные рамки. По словам К. Маркса, капитализм высасывает жизненные соки у изначальных источников всех богатств – земли и работника [3]. Но, утилитаризм и экологический нигилизм по отношению к ресурсам преобладал не только в западной капиталистической, но и в советской системе природопользования, поскольку ресурсы рассматривались как дармовой экономической базис построения нового, более справедливого общества.

Важным прорывом в понимании ресурсов как фактора развития общества являлась концепция географического POSSIBILISMA. Она поставила вопрос об возможности человеком использования имеющихся природных ресурсов согласно с его знаниями и умениями с целью обеспечения определенного способа жизни. Впервые знание о ресурсе было поставлено как важный, и не всегда экономический или политический, фактор его оценки. Но выводы POSSIBILISTОВ об возможностях использования ресурсов согласно возможностям общества было европоцентристскими по своей природе и фактически оправдывало особые преимущественные права природопользования «цивилизованных» национальных империй, которые обладают для этого необходимыми знаниями и технологиями над правами коренных народов колоний. Как точно выразился Я. Барнетт: «Обеспечение безопасности одних народов происходит за счет других» [4].

Как указывает Дж. Бридж [5, р. 266], исторически разработка ресурсов тесно связана с практикой формирования государственности (например, добыча нефти для Венесуэльской государственности от 1930-х до сегодняшнего дня) или территориальном распространении государственного контроля (например, кампания Н. Хрущева относительно освоения "целинных земель в период 1950-х). Действительно, вплоть до конца XIX в. государственный интерес относительно ресурсов заключался почти исключительно в обеспечении безопасности поставок сырьевых материалов для национальной экономики. Государственная деятельность обеспечивала примитивное накопление и обеспечение монополии в определении и защите частных и публичных прав

собственности, субсидирование средств в эксплуатацию ресурсов частниками, и создание правовых, политических и военных средств для ограничения доступа к критическим или стратегическим ресурсам со стороны конкурирующих наций. Обладание доступом и контролем к тому или иному ресурсу в середине XX в. становилось во главе национальных интересов многих стран с глобальными амбициями (Франции, Великобритании, Японии, СРСР, США и др.). Еще с 40-х годов XX в. Соединенные Штаты стремились объявлять сферой своих "жизненных интересов" любые районы земного шара, важные или сточки зрения природных ресурсов, или стратегического положения. Один из ведущих политико-географов И. Боумен предложил учение о "географических центрах силы", где расположены важнейшие, с его точки зрения, стратегические ресурсы: нефть, олово, урановые руды, каучук [6, с.76]. Во второй половине XX века, в период деколонизации, под влиянием рекомендаций международных агентств развития превалировал «ресурсный путь» развития постколониальных наций. Идея об возможности достижения быстрого экономического развития и соответственно геополитического веса с помощью использования значительных ресурсов нашла отображение во многих программах развития нефтедобывающих государств (Ирака, Ливии, Нигерии и др.). Настоящий геополитический смысл подобных концепций сводился к желанию ТНК установить геоэкономический контроль над природными ресурсами развивающихся стран.

Но не во всех случаях борьба за контроль над ресурсами имела деструктивную природу. Существуют и положительные примеры, когда совместное ресурсопользование приграничными государствами, привело к установлению долговременного мира. Имеется в виду известный «план Шумана» по совместному управлению металлургическим комплексом Францией и Германией во имя избегания нового конфликта за регион Саар, что привело к формированию ЕОУС (1951 г.) и впоследствии ЕЭС и ЕС. Но все же, важно подчеркнуть, что реализован этот проект был между развитыми странами и при специфических условиях квази-государственного статуса ФРГ в послевоенные годы. Возможно бы было такое объединение между странами на разном уровне экономического развития – большой вопрос.

Борьба стран за первенство на мировой арене, в особенности под влиянием идеологического и геополитического соперничества Запада и Востока в середине-второй половине XX в., способствовала развитию количественного направления в оценке влияния ресурсов на могущество государства. Есть предпосылки для выделения даже особого направления политико-географических исследований – «силومتрии» («powermetrics»). Термин предлагает использовать немецкий ученый К. Хэн в работе «Геополитика и измерение национального могущества» [7]. Он исследовал большинство существующих в мире формул могущества государства, которые были разработаны к 2011 г. Во многих из них (особенно тех, которые созданы ближе к середине XX в., наличие природных ресурсов является важной

составляющей общего силового потенциала страны. Это вполне соответствует запросам и мировоззрению эпохи индустриализации. Например, в формуле Ф. Фриденсбурга (1936) [8], где составляющими военного потенциала государства являются население и самообеспеченность ресурсами. В формуле Ф.К. Германа (1960) [8] такими составляющими признаны функция использования земель, функция использования человеческого потенциала, функция использования ресурсов и количество военного персонала. Дж. Д. Зингер (1972) [8] предложил «комплексный индекс национального потенциала», который исчисляется суммой переменных – численность населения, городское население, производство стали, производство топлива / угля, военный бюджет, военный персонал. Но глобальный энергетический кризис 1970-х заставил посмотреть по-новому на значение ресурсов для совокупного могущества государства. Явление колебаний цен на минеральное сырье со временем нашло отображение в коррекции понимания феномена могущества. В формулах, которые предложены в 80-90-е годы XX века, роль собственных ресурсов государства признавалось все менее важным в обеспечении реального геополитического потенциала государства, более весомым стал признаваться контроль над рынками развивающихся стран и путями доставки критически важных для развитых стран топливных ресурсов.

Вследствие демографического бума и обостряющегося экологического кризиса начиная с 1970-х гг. некоторые учёные, а особенно неомальтузианцы и члены Римского клуба, все настоятельнее начали поднимать вопрос о «естественных пределах» роста. В тот же период была разработана концепция «устойчивого развития», главным образом как компромисс между количественным развитием (ростом) и естественными ограничениями [3]. Усилиями радикальных географов началось переосмысление идеи «ресурсного пути» развивающихся стран. Например, согласно «теории зависимости» А. Франка многие страны становятся все более зависимыми от могучих держав, часто колониальных империй в результате взаимодействия и «развития недоразвитости». Сильная и развитая страна эксплуатирует ресурсы более слабых колоний и последние становятся зависимыми от метрополии, считал ученый. Он утверждал, что модернизация не обязательно означает «вестернизацию» и что развивающиеся страны должны ставить собственные цели развития, согласующиеся с их ресурсами, потребностями и культурными ценностями [9]. Но в тоже время, центр-периферийная модель миро-системного анализа И. Валлерстайна доказывает, что для полупериферийных и периферийных государств невозможно стать в одночасье на уровень положения Центра [10, с.211]. Эту ситуацию образно описывает термин «проклятье ресурсов», который впервые использовал Р. Аути в 1993 году. Он обратил внимание, что страны, богатые природными ресурсами, были не в состоянии использовать это богатство для развития своей экономики, и характеризовались более низким экономическим ростом, чем страны, которые владеют меньшими природными ресурсами [11]. Новые данные показывают, что более точным

определением есть – «проклятие неразвитой экономики» [12]. Изыскания известного американского исследователя феномена влияния ресурсов на конфликты Т. Гомера-Диксона показывают, что: 1. Дефицит невозобновляемых ресурсов может приводить к сильному конфликту и социальной нестабильности; 2. Неравномерное потребление дефицитных ресурсов – критический фактор в мощных конфликтах; 3. Мощные конфликты, в которых экологический дефицит выступает фактором, могут с большей вероятностью проявиться в обществах с низким доходом, ресурсозависимых обществах; 4. Перенаселённость – благоприятный фактор для мощных конфликтов и когда механизмы, которые позволяют адаптироваться в условиях экологического дефицита терпят неудачу, более вероятным становится мощный конфликт [4, р.555]. Кроме того, цикличность ценообразования на топливные ресурсы обуславливают периоды пика и спада в потребности в контроле над ресурсом, что обуславливает и зависимость остроты ТПК от того или иного ресурсного цикла (например, цены на нефть и газ). При чем, большая зависимость между ценой ресурса и остротой территориально-политических конфликтов просматривается в странах с менее эластической политической системой и слабой экономической базой (Нигерия, Ирак, Египет, Сирия). Эти выводы полностью отвечают современной оценке ООН, выраженной категорией «уязвимости» населения конфликтных регионов планеты. Это новое представление позволило ресурсным оптимистам утверждать, что не столько природные ресурсы, сколько люди являются основным ресурсом любого государства, а также их способность к самоорганизации, технологическим инновациям, продуцированию ценностей, и соответственно обеспечению конкурентных преимуществ государству.

Развитие и эффективное использование человеческого капитала, знаний и информации становится приоритетом постиндустриальных обществ. Поэтому стало возможным появление новой формы борьбы за территории – информационной войны, которая предполагает, кроме всего прочего, захват и контроль информационного пространства страны-соперника, а также манипулирование общественным мнением в интересах страны-агрессора, вплоть до добровольной передачи суверенитета (полной или частичной) над всей или частью территории. То-есть, могущество государства проявляется и в его способности продуцировать влияние, осуществлять контроль или навязывать свой авторитет другим государствам.

Исходя из предположения Дж. Ная о возможности контроля с помощью «мягкой силы», скрытые территориальные интересы страны могут быть реализованы с помощью влияния на соперника таким образом, чтоб достичь желаемого результата мирным путём. Такое влияние может проявляться тремя путями: путём угроз или принуждением («кнутом»); с помощью поощрения и вознаграждения («пряником»); благодаря привлекательности, которая заставляет других хотеть того же, что и вы [13, р. 23-24]. В роли ресурсов «мягкой силы» сегодня выступают известные торговые марки (бренды),

социальные сети, достижения в науке, технике, литературе, искусстве, спорте, популярные СМИ, юмор, мода и стиль жизни и т.п. При чем, геополитическое влияние массовой культуры может быть выше вследствие большой потенциальной аудитории, на которую это влияние рассчитано. В тоже время, Р. Арон утверждал, что для страны важной есть не столько «потенциальная сила» (совокупность материальных, человеческих и духовных ресурсов), сколько «реальная сила» (ресурсы, которые государство способно мобилизовать во времена войны и мира) [14]. И не в последнюю очередь, важной есть способность не только государства как политического института, но и гражданского общества к мобилизации. Но антагонизм между странами может порождать состояние постоянной военно-политической мобилизации, следствием чего является порочный круг: прибыль от эксплуатации ресурсов финансирует войну, а война обеспечивает доступ к этим ресурсам. Поэтому политика разоружения и совместного использования ресурсов бывшими врагами, соперниками или конкурентами поможет снять вопрос об их принадлежности в будущем.

Рост эксплуатации ресурсов приводит к формированию в XXI веке нового основания геополитической безопасности высокоразвитых стран. Как утверждает С. Нефёдов, приоритетом для геополитического субъекта выступает обеспечение благоприятной окружающей среды, без чего порой невозможен и экономический прогресс. Экологические проблемы не имеют границ и потому их решение в большей степени, чем при решении вопросов преодоления бедности и сохранения духовной самобытности, требует расширение подконтрольных пространств, экспансии всех видов [15]. В научный обиход все чаще вводится термин «зелёный империализм». То-есть, навязывание странами глобального Центра стратегий ограничения использования природных ресурсов бедным государствам исходя из представлений об устойчивом развитии. Результатом чего стало обвинение глобального Центра со стороны развивающихся стран в политике двойных стандартов, поскольку искусственное ограничение их доступа к ресурсам с целью защиты природы, на самом деле, ограничивает возможности для перспективного роста их экономического и, как следствие, политического и военного потенциалов. Расширение трансграничного контроля над состоянием природной среды должно включать компенсационные выплаты странам и регионам, которые добровольно уменьшают экологическое давление. Но остаётся много неразрешённых вопросов в урегулировании отношений между странами, в которых «генерируется» экологическая проблема, и теми, которые подвергаются внешнему экологическому давлению. Например, можно ли принудить КНР (члена Совета Безопасности ООН, амбициозную и влиятельную страну, которая отвечает за судьбу 1,4 млрд жителей планеты) остановить строительство 13ГЭС в верхнем течении р. Салуин, ради недопущения экономического, социального и экологического кризисов в Мьянме, развивающейся стране с низким политическим авторитетом, которая

представляет интересы «всего» 55 млн своих граждан? Нужно приложить ещё много усилий политгеографов для изучения возможностей справедливого доступа к ресурсам во имя упреждения появления новых зон ТПК.

Выводы. Развитие территориально-политических конфликтов неразрывно связано с представлениями о ресурсах оспариваемой территории противостоящими сторонами конфликта. Контроль над ресурсами является латентным или видимым обоснованием претензий на ряд территорий. Потребность разных социальных групп и государств в обеспечении определенного способа, уровня, стиля и качества жизни предусматривает разные виды деятельности ради обретения ресурсов, в частности политические и военные. Сегодня при оценке важности ресурса как фактора ТПК, внимание переместилось от материальных ресурсов в сторону человеческого потенциала и качества среды обитания. Такие характеристики ресурса как дефицит, особенности расположения, доступность, мобильность и знания о ресурсе дают возможность исследователю дать оценку их важности, например, для аграрных, индустриальных и постиндустриальных обществ. Переход страны от одного способа и стиля жизни к другому изменяет ценность ресурсов, параллельно изменяются способы борьбы за обладание ими – от военных захватов территории периода колониализма до информационной войны и «зелёного империализма» XXI века.

Литература: 1. Орлянський В.С. Конфліктологія / В. С. Орлянський. – К.: Центр учбової літератури, 2007. – 160 с.; 2. Farish M. Military and Geography / M.Farish // International Encyclopedia of Human Geography / Editors-in-Chief Rob Kitchin, and Nigel Thrift. – Amsterdam: Elsevier, 2009. – Vol.7. – P.116-121.; 3. Лиодакис Г. Отношение «человек - природа» и историческое значение трудовой теории стоимости / Георгий Лиодакис // Альманах «Восток». – 7 (19). – Июль. – 2004. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://www.situation.ru/app/j_art_497.; 4. Barnett J. Enviromental Security / J.Barnett // International Encyclopedia of Human Geography in 12 volumes / [Editors-in-Chief Rob Kitchin, and Nigel Thrift]. – Amsterdam: Elsevier, 2009. – Vol.3. – 2009. – P. 553-564.; 5. Bridge G. Natural Resources / G. Bridge / International Encyclopedia of Human Geography / Editors-in-Chief Rob Kitchin, and Nigel Thrift. – Amsterdam: Elsevier, 2010. – Vol.7. – P.261-268.; 6. Гольцов А. Г. Геополітика політична географія. Підручник / А. Г. Гольцов. – К.: Центр учбової літератури, 2012. – 416 с.; 7. Höhn K. Geopolitics and the Measurement of National Power / Karl Höhn / Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades. – Humburg, 2011. – 330 p.; 8. Powermetrics Information Network. Formulas. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://powermetrics.bplaced.net/>; 9. Нэгл Г. География в диаграммах: Оксфордские учебные пособия / Г. Нэгл, К. Спенсер. – М.: Астрель, 2004. – 176 с.; 10. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география: Учебник для вузов / Владимир Александрович Колосов, Николай Семенович

Мироненко. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 479 с.; 11. Auty Richard M. Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis. – London: Routledge, 1993.; 12. Тамбовцев В. Проклятие неразвитости: Чем сильнее защищены права собственности, тем скорее государство преодолееет «ресурсное проклятие» / Виталий Тамбовцев, Лилия Валитова // Газета. ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/comments/2007/09/18_x_2169991.shtml; 13. Nye J. The Rise of China's Soft Power and its Implications for the U.S. / J. Nye, Jisi Wang // Power and Restraint: a shared Vision for the U.S. – China Relationship / [Eds. E.Rosecrance, Gu Guoliang]. – N.Y., 2009; 14. Арон Р. Мир і війна між націями / Реймон Арон. – Київ: Юніверс, 2000. – 684 с.; 15. Нефёдов С.А. Экологическая компонента геополитической безопасности.автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02./ Сергей Александрович Нефёдов. – Ставрополь, 2005. – 17 с.